

Двое вошли в отдельный кабинет. Се Ханьчи первым делом активировал браслет и просканировал помещение, чтобы убедиться в отсутствии микрокамер, миниатюрных взрывных устройств или иных угроз.

Убедившись в безопасности, Се Ханьчи стремительно притянул Нин Вэйфэна к себе и, прижав его к стене, навис сверху.

Нин Вэйфэн попытался вырваться, но Се Ханьчи крепко обхватил его руками и склонил голову...

Нин Вэйфэн весь напрягся — он изо всех сил сдерживался, чтобы не ответить грубой силой!

Се Ханьчи остро почувствовал исходящую от него опасность. Вздохнув про себя, он одарил его улыбкой, в которой сквозила беспомощность и нежность: Сяо Фэн, не нервничай. Я не собираюсь тебя обижать, просто... Ладно, хочешь смеяться — смейся.

Нин Вэйфэн собирался было усмехнуться, но теперь, когда всё его обоняние заполнил тяжелый, подавляющий мужской аромат, смех застрял в горле. Он нахмурился, глядя на мужчину, чье лицо было совсем рядом.

От этого взгляда Се Ханьчи почувствовал себя тираном, притесняющим невинного. Он отстранился, но не выпустил человека из объятий, с глубоким вздохом признавшись: Прости. Мне двадцать восемь лет, я здоров, никаких скрытых болезней, ни с кем не встречался... Тот раз, когда я провожал тебя домой... это был мой... — он смутился, голос стал тише, — ...первый поцелуй.

Старый дом, попробуй тут не загореться!

Нин Вэйфэн остолбенел.

А Се Ханьчи, приняв решение, выпалил всё как на духу. Здесь не было ни цветов, ни романтической обстановки — только две порции каши, одна из которых была призвана охладить пыл. Но любовь, копившаяся в его сердце двадцать лет, требовала выхода, и он импульсивно признался: Ты мне нравишься. Нравишься уже... почти двадцать лет.

Он склонил голову, намереваясь вложить в поцелуй всю любовь, которую хранил два десятилетия...

Но Нин Вэйфэн быстро отвернулся, избегая контакта.

Се Ханьчи: ...

Поняв, что человек в его объятиях действительно не испытывает взаимности, он, преодолевая внутреннюю борьбу, с трудом разжал руки и произнес: Прости, я... не сдержался.

...

Из-за провального «прижатия к стене» между ними повисла неловкость.

Нин Вэйфэн молча смотрел на свою кашу, а Се Ханьчи не сводил с него глаз. Сквозь легкую дымку пара он заметил, что его возлюбленный стал еще красивее и утонченнее. Больше всего изменилась кожа — гладкая, нежная, она казалась светлее и мягче очищенного органического яйца, чище и теплее первоклассного белого нефрита.

Съешь яйцо! — Се Ханьчи положил яйцо на тарелку Нин Вэйфэна. На самом деле ему ужасно хотелось поднести его к самым губам Нин Вэйфэна — на фоне его алых губ оно смотрелось бы восхитительно.

Но Нин Вэйфэну это не понравилось.

Старый врач был прав: еще рано, торопиться не стоит.

Однако...

Хотя Се Ханьчи не умел читать мысли, он много лет провел в жестких бизнес-сражениях и мог отличить симпатию от равнодушия. Если бы Нин Вэйфэн хоть немного был тронут, он бы сейчас светился от радости.

Но Нин Вэйфэн не был тронут. Конечно, он не испытывал отвращения, но... он чувствовал себя обремененным.

Чем же?

Нин Вэйфэн поднял голову, собираясь что-то сказать, но, заметив в глазах Се Ханьчи тень печали, вздохнул про себя. Он попытался подобрать слова так, чтобы ранить как можно меньше: Послушай... Сяо Се...

Зови меня А-Чи, — перебил Се Ханьчи. Ему не нравилось, что Нин Вэйфэн обращается к нему так же обыденно, как и все остальные.

А-Чи? Это имя показалось Нин Вэйфэну знакомым, хотя он пока не мог вспомнить, откуда. Он просто сказал: А-Чи, я думаю... нам лучше...

Се Ханьчи интуитивно понял, что сейчас услышит предложение «остаться друзьями», и, отбросив светские манеры, прервал его: Не спеши ставить точку в наших отношениях. Дай мне хотя бы шанс... Разве тебе совсем не любопытно, почему я люблю тебя двадцать лет?

Честно говоря, Нин Вэйфэн был заинтригован. Но в прошлой жизни он сам любил бога войны из Межгалактического альянса и знал, каково это — безответно любить кого-то долгие годы. Поэтому он не хотел знать правду. Назовите это бегством или неспособностью вынести правду — неважно.

Он не должен проявлять любопытство.

[Я просканировал его ментальные колебания, он не лжет, он действительно тайно любит тебя много лет...] — Чжичжи смоделировала пару огромных, блестящих черных глаз, которые смотрели на Нин Вэйфэна с невинностью олененка. — [Ты не можешь даже не спросить? Неужели ты такой бессердечный?]

[Спрошу, и что дальше? Разве я смогу его полюбить?] — Нин Вэйфэн не видел в этом смысла.

Чжичжи возразила: [Не все чувства возникают с первого взгляда, может, любовь придет со временем?]

Любовь со временем?

Разве он недостаточно долго любил Му Ина? Даже не получая никакого ответа, он каким-то непостижимым образом глубоко любил его долгие годы... Дофамин и прочая химия — самые нелогичные вещи на свете.

Нин Вэйфэн вздохнул. Некоторые вещи ранят, но их необходимо сказать. Он искренне произнес: Прости, дело не в том, что ты недостаточно хорош. Это моя проблема... В моем сердце есть человек, которого я не могу отпустить. По отношению к тебе это будет несправедливо.

Он так сильно тебя ранил, а ты все еще думаешь о нем? — Се Ханьчи поспешил объяснить. — Я не такой, как Сунь Фэй. Я умею быть преданным, буду серьезно относиться к тебе и никогда не причиню боли.

М? — Нин Вэйфэн опешил.

Сунь Фэй?

Кто это?

Чжичжи в его голове поспешно высунула нос, хлопая оленьими глазками: [У тебя было слишком много знаний и опыта, база данных памяти перегружена. Сейчас ментальная сила не справляется, и мозг в целях самозащиты сжимает и вытесняет старые или неважные воспоминания. Это нормально, что ты не можешь вспомнить.] Затем она подсветила определенные точки в сознании Нин Вэйфэна, помогая ему извлечь воспоминания о Сунь Фэе.

Нин Вэйфэн вспомнил.

Сунь Фэй был его первой любовью. Он добивался Нин Вэйфэна восемь лет — как раз тот случай, который Нин Вэйфэн когда-то принимал за «любовь, пришедшую со временем».

Сунь Фэй был любимцем судьбы, старшим наследником клана Сунь, мастером тайцзи, обладавшим выдающимся талантом к боевым искусствам. Из личного интереса он основал киберспортивный клуб Лун Тэн. Когда Нин Вэйфэн в семнадцать лет ушел из спорта из-за травмы, Сунь Фэй лично нашел его и пригласил в клуб.

При поддержке Сунь Фэя Нин Вэйфэн создал команду Фэнъюнь, которая ярко заявила о себе на международных турнирах KSV. Нин Вэйфэн неоднократно побеждал, став Богом Ветра, а клуб Лун Тэн превратился в крупнейшую киберспортивную организацию Китая, принося огромную прибыль.

Вместе с карьерным взлетом пришла и любовь. Сунь Фэй публично признался в чувствах к Богу Ветра и начал ухаживать за ним с невероятной нежностью и романтикой.

Нин Вэйфэн ничего не чувствовал и не давал согласия.

Все говорили, что Нин Вэйфэн ломается, мол, раз такой завидный жених, как Сунь Фэй, проявляет внимание, можно было бы и согласиться. Но Нин Вэйфэн не ломался — он просто не любил Сунь Фэя. К тому же он был молод, занят тренировками по тайцзи у деда Сунь Фэя, Сунь Мина, и участием в турнирах KSV. Он был загружен по горло и не думал о личной жизни.

Но Сунь Фэй ухаживал за ним восемь лет. Даже к собаке привязываешься за такое время, что уж говорить о качественном мужчине, который проявлял столько искренности и изобретательности. Родители обеих сторон были тронуты и считали, что свадьба — дело решенное. Гены Нин Вэйфэна были склонны к гомосексуальности, и, так как других кандидатов не было, в прошлом году, когда Сунь Фэй сделал предложение в тысяча первый раз, он согласился.

Оба были знаменитостями, за ними стояли семьи, они устроили официальную помолвку и собирались лететь в Гонконг для регистрации брака — в материковом Китае однополые браки еще не разрешили.

Однако возникла проблема.

Сунь Фэй хотел близости как жених, но Нин Вэйфэн обнаружил, что — не может!

Нин Вэйфэн не любил целоваться, а тем более — обнажаться перед кем-то... Ему становилось противно. Даже если его спаивали, он не мог вынести того, что с ним делают что-то, пока он лежит с закрытыми глазами. Ему становилось физически плохо. Нин Вэйфэн не мог обмануть себя, списав это на стеснительность или непривычку. Он тайно посетил психолога, и ему диагностировали серьезное сексуальное отвращение.

Нин Вэйфэн вспомнил и то, почему так позорно проиграл на прошлогоднем турнире KSV.

В прошлом году многие предрекали, что «Бог Ветра», готовящийся к свадьбе, на волне успеха заберет золото, а затем объявит о завершении карьеры.

Но кто мог знать о том, что скрывалось за внешним блеском? За день до матча 1/8 финала Нин Вэйфэн своими глазами увидел Сунь Фэя в постели со своим учеником Шан Пууюм.

Шан Пууй был юным гением, которого Сунь Фэй также привел в команду. Нин Вэйфэн лично тренировал его как своего преемника, но кто бы мог подумать... Его предали самые близкие люди.

Это было... так мерзко!

Нин Вэйфэн и так чувствовал вину из-за своей психологической болезни, но, увидев эту грязную сцену... его стошнило кровью. Сексуальное отвращение стало неизлечимым.

На следующий день Нин Вэйфэн, израненный физически и морально, вышел на матч против Шан Пуоя. Все думали, что это будет легкая победа наставника над учеником, но Нин Вэйфэн проиграл.

Потому что Шан Пууй сказал: Сунь Фэй все эти восемь лет «ходил налево», он не первый и не последний.

На самом деле для Нин Вэйфэна не имело значения, изменил Сунь Фэй один раз или сто.

Потеряв всякий интерес к жизни, он проиграл турнир и в тот же день поручил адвокатам расторгнуть помолвку.

Бог Ветра проиграл ученику, в тот же день разорвал помолвку... Такое событие не могло остаться незамеченным. Вскоре скандал о том, как «Бог Ветра был свергнут с пьедестала из-за предательства жениха и ученика», возглавил все рейтинги.

Родители Нин Вэйфэна хотели разобраться с семьей Сунь, но Нин Вэйфэн посчитал это

бессмысленным — даже если бы Сунь Фэй вернулся, он бы его не принял. Он рассказал родителям о своем диагнозе.

Вернувшись в родной город на реабилитацию, Нин Вэйфэн долго не мог оправиться от душевной травмы, чуть не впал в депрессию.

Тогда, в прошлом, он потерял веру в чувства и, естественно, не заметил Се Ханьчи.

В этой жизни все сложилось иначе, опыт другой, выбор другой.

Нин Вэйфэн с любопытством смотрел на мужчину, который утверждал, что любит его двадцать лет.

Если он так сильно его любил, почему не появился в той жизни? Возможно, если бы они встретились, его жизненный путь изменился бы, и многих трагедий удалось бы избежать.

...

Се Ханьчи сделал глоток каши и сказал: Она уже не горячая, ешь.

Угу, — Нин Вэйфэн помешал кашу с красными финиками, аппетита не было.

Я не хочу быть для тебя обузой. Расслабься, неужели ты даже есть не можешь? — Се Ханьчи усмехнулся. Неплохое достижение — довести настоящего гурмана до потери аппетита.

Нин Вэйфэн вздохнул. Он действительно не мог есть.

Се Ханьчи интуитивно почувствовал: если не сказать сейчас, шанса может больше не представиться. Собравшись с духом, он начал рассказывать свою историю: Мы познакомились еще в детском саду. Тебе нравилось играть со мной, а мне — с тобой. Мне нравилось, как ты мягко называл меня «братик А-Чи». В детстве ты был таким послушным и милым. Потом ты попал в сборную, я немного поплакал, но быстро забыл тебя... дети ведь быстро всё забывают. До тех пор, пока в восемь лет я не попал в аварию и не получил травму позвоночника с риском паралича. Тогда я решил, что всё кончено. У меня был ужасный характер, я не хотел лечиться и никого не желал видеть... потому что все вокруг были нормальными, бегали и прыгали, а это постоянно напоминало мне о моей травме.

В нежных глазах Нин Вэйфэна отразилось искреннее беспокойство.

Се Ханьчи почувствовал утешение и улыбнулся: Всё в прошлом. Сейчас я даже благодарен тому времени, ведь именно тогда мы снова связались.

Прости, я... — Нин Вэйфэн ничего не помнил. Чжичжи запаниковала, но как ни искала в нейронных сетях, не могла найти воспоминаний об общении двух мальчиков после восьми лет.

Се Ханьчи улыбнулся: Ничего страшного, если не помнишь. Сначала послушай меня. С детства сестра Мо любила хвастаться тобой, часто показывая нам видео с твоих тренировок, — Се Ханьчи показал рукой высоту семилетнего ребенка. — Ты был таким маленьким, беленьким и нежным, но при этом таким сильным. Как бы ни было больно и тяжело на тренировках, ты вытирал слезы, улыбался и утешал сестру Мо: «Ничего страшного, совсем не больно!». Просил ее не волноваться.

Вспоминая маленького, доброго Вэйфэна, Се Ханьчи улыбнулся: Моя мама заметила, что каждый раз, когда я смотрел видео с тобой, мое настроение улучшалось, и я шел на поправку. Она попросила сестру Мо передать мне все твои записи, и мы стали общаться. Но тогда я страдал от комплексов, скрывал свою личность в сети... Ты был таким добрым, постоянно подбадривал меня, просил не падать духом, слушаться врачей и серьезно заниматься реабилитацией, говорил, что я обязательно поправлюсь. И потом я действительно встал на ноги, а позже обнаружилось, что у меня есть талант к боевым искусствам... Врачи сказали, что я совершил медицинское чудо. На самом деле, Се Ханьчи знал, что чудо совершил Нин Вэйфэн.

Чжичжи подсветила несколько нейронов, и Нин Вэйфэн наконец соединил всё воедино, узнав того, о ком шла речь: Юйчи, это ты, А-Чи! Верно?

Увидев, что друг наконец его вспомнил, Се Ханьчи улыбнулся: Это я. Прости, что не осмелился открыть тебе свое настоящее имя. Тогда я был слишком... неуверенным в себе и ранимым из-за травмы.

Нин Вэйфэн был просто счастлив.

Юйчи был его очень важным другом по переписке. Раньше они могли говорить часами, обсуждать проблемы взросления и поддерживать друг друга. Но дальше виртуального общения дело не заходило... Юйчи отказывался даже от голосовых чатов, не говоря уже о личных встречах.

Нин Вэйфэн относился с пониманием к травме Юйчи и был очень рад, когда тот выздоровел. Позже, когда Нин Вэйфэн сам повредил колено и не смог стать чемпионом по гимнастике, Юйчи утешал его и обещал приехать. Нин Вэйфэн даже готовился к встрече с другом, но потом Юйчи необъяснимо исчез, и связь прервалась.

Позже Нин Вэйфэн был занят тайцзи и турнирами, и постепенно забыл об этом.

Се Ханьчи объяснил свое исчезновение: Я тайно любил тебя. Когда ты травмировал колено, я сказал, что приеду, но у нас в семье высокий уровень безопасности. Родители нашли черновики признания, который я написал и заучил, а также билеты, которые я заказал. Меня с детства готовили как наследника клана Се. Родители не одобряли того, что я люблю парней, и заперли меня. Тогда я понял — я еще несовершеннолетний, финансово не независим, у меня нет сил

защитить любимого человека и обеспечить нам будущее. Поэтому я не приехал... Это первое, о чем я жалею. Я был слишком молод и не думал, что ты не можешь вечно стоять на месте и ждать меня. Тем более, у меня не было возможности сказать: «Я люблю тебя».

Нин Вэйфэн не знал, что сказать, чтобы утешить его, ведь он сам ничего не знал.

Се Ханьчи продолжил: Я поступил в университет, как только стал совершеннолетним, отделился от семьи и начал свое дело. Родные не хотели помогать, я столкнулся с кучей трудностей, несколько раз хотел сдаться. Ты тогда тоже был в упадке после травмы, но никогда не терял надежды, не переставал стараться, и это давало мне силы. На втором курсе мой проект окупился, я добился успеха и получил право говорить о любви. Ты тогда как раз взял свой первый международный титул KSV. Я во второй раз собрался приехать к тебе...

Нин Вэйфэн поспешно спросил: А потом?

Се Ханьчи криво усмехнулся: Я опоздал. Увидел в новостях, как ты обнимаешься с Сунь Фэем, и понял, что вы в отношениях. Я молча пожелал вам счастья и не стал вмешиваться — это вторая вещь, о которой я жалею больше всего. Тогда мне нужно было ворваться туда и забрать тебя, и тогда Сунь Фэй не причинил бы тебе боли.

Нин Вэйфэн нахмурился. Он помнил те объятия — это было после победы, СМИ всё переврали, и раздраженный Нин Вэйфэн хотел опровергнуть слухи. Но Сунь Фэй сказал, что не стоит обращать внимания на такие новости, всё само утихнет. А потом Сунь Фэй публично объявил о своей любви и начал восьмилетнюю погоню.

В то время друзья говорили, что слухи были запущены с подачи Сунь Фэя, и он часто делал вещи, чтобы ввести людей в заблуждение. Сам Сунь Фэй объяснял это шуткой: «Чтобы отпугнуть конкурентов, чтобы тебя не увели».

После того как Нин Вэйфэн стал Богом Ветра, у него появилось много странных поклонников, и такой подход действительно избавил его от проблем, поэтому он не стал вмешиваться.

Похоже, Се Ханьчи был одним из тех, кто попался на эту удочку.

Впрочем, Нин Вэйфэн не стал говорить правду — к чему расстраивать Се Ханьчи еще больше?

Как же нелепо всё сложилось, они упустили столько возможностей.

Се Ханьчи тяжело выдохнул: Видишь, я постоянно жалею о содеянном. Поэтому я не хочу жалеть снова. Я люблю тебя, я... я люблю тебя, Нин Вэйфэн.

Се Ханьчи произнес это с глубоким чувством.

Нин Вэйфэн молчал.

Он был тронут, правда. Никто не остался бы равнодушным, зная, что такой достойный мужчина тайно любит его столько лет.

Но благодарность — это не любовь.

К тому же Юйчи был для него самым особенным другом, и это заставляло Нин Вэйфэна бояться действовать опрометчиво.

Нин Вэйфэн помнил всё, что произошло в прошлой жизни.

Юйчи был самым лучшим... самым лучшим другом.

В прошлой жизни каждый раз, когда Нин Вэйфэн достигал успеха, Юйчи поздравлял его; каждый раз, когда он попадал в беду, Юйчи утешал, поддерживал и помогал. Когда Нин Вэйфэна похитила лаборатория и он потерял всё, Юйчи до последнего пытался найти его и спасти.

Не боясь пойти против всего мира.

Но плоть и кровь Нин Вэйфэна могли не только эволюционировать, лечить рак, но и дарить новую жизнь, возвращать молодость... Это была не реклама, а реальность. Поэтому Нин Вэйфэн стал «эликсиром жизни» для многих политиков и глав влиятельных семей — а люди, стоящие на вершине власти, редко бывают молодыми.

Секретная лаборатория, используя это, подмяла под себя все мировые силы. Ради «общего блага» у них было достаточно возможностей стереть само существование Нин Вэйфэна.

Кто осмелился бы тронуть Нин Вэйфэна и стать «врагом всего человечества»?

Лишь Юйчи, не имея возможности противостоять открыто, никогда не сдавался. Десять лет неустанных поисков и сбора информации — только так он получил шанс спасти Нин Вэйфэна.

Когда Нин Вэйфэн покинул Землю и начал скитаться по космосу, Юйчи продолжал пытаться связаться с ним. Просто Нин Вэйфэн улетел слишком далеко, и сигналы не доходили. Лишь когда он отпустил прошлое, вернулся на Землю и восстановил связь со старыми друзьями, то получил все сообщения от Юйчи.

Каждый день он оставлял послания.

Иногда это были просто разговоры о бытовых мелочах — он говорил сам с собой, но так, будто Нин Вэйфэн мог ему ответить, будто он всегда был рядом и никогда не уходил.

Многолетние накопленные сообщения чуть не обрушили интеллект Нин Вэйфэна.

В этой жизни, имея такого друга, нельзя сказать, что ты одинок. Ощущение того, что кто-то о тебе заботится, стало той внутренней силой, которая поддерживала Нин Вэйфэна в долгие годы одиноких скитаний по космосу.

Последнее сообщение Юйчи Нин Вэйфэн помнил до сих пор:

— Сяо Фэн, я всё ещё жду тебя!

— Жду, когда ты вернешься домой!

— Сяо Фэн...

— Прости, я... всю жизнь ошибался...

Нин Вэйфэн никогда не понимал, что значит это «прости» в конце. С точки зрения дружбы Юйчи никогда ничего не сделал не так, это Нин Вэйфэн был у него в долгу.

Только сейчас Нин Вэйфэн понял, что вторая половина фразы, которую Се Ханьчи не договорил тогда, должна была звучать так:

«Прости, я люблю тебя, но всю жизнь упускал тебя».

<http://bllate.org/book/19844/1953749>